

М. А. Подлесная¹, И. В. Ильина²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

² Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия

ТЕЗАУРУС МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСПРИЯТИИ СПЕЦИАЛИСТОВ: ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ МОЛОДЁЖИ КАК АКТОРА ИЛИ АГЕНТА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Молодёжная политика проходит значительные преобразования, направленные не только на соответствие современным вызовам, но и на формирование условий для жизнедеятельности и самореализации новых поколений. Состояние данной сферы непосредственно связано с перспективами развития страны и с ролью молодёжи как субъекта социального действия, способного реализовать эти перспективы. Теоретической основой исследования выступают тезаурусный подход и концепция диалектики социального действия. Методы исследования включали проведение фокус-групп с представителями региональных министерств и комитетов, руководителями организаций, работающих с молодёжью, а также анализ нормативных правовых актов. Выявлено, что молодёжная политика как сфера государственной деятельности находится в стадии реформирования и стандартизации, что приводит к трудностям с чётким определением её целей и задач как у специалистов и руководителей, так и на уровне законодательной базы. Наблюдаются проблемы с идентификацией потребностей молодёжи и разработкой чётких критериев оценки эффективности молодёжной политики. В риторике ответственных лиц молодёжь зачастую представляется как пассивная социальная группа, нуждающаяся в поддержке и контроле со стороны государства, а не как активный субъект — актор социального действия. Несмотря на определённое внимание к критерию «своевременного взросления» и становлению как самостоятельного экономического субъекта, в концептуальном тезаурусе профильных специалистов отсутствует выраженное понимание широкой миссии молодёжи в развитии страны. Исследование обосновывает необходимость переосмысления роли молодёжи не только как объекта, но и как активного субъекта социального действия, что должно найти отражение в стратегиях государственной политики. Результаты вносят вклад в научное понимание текущих вызовов молодёжной политики России, в том числе в контексте разработки стандартов качества услуг.

Ключевые слова: молодёжная политика, социология молодёжи, тезаурусный подход, концепция диалектики социального действия, актор, агент, фокус-группа, работа с молодёжью, специалисты молодёжной политики, субъектность

Для цитирования: Подлесная М. А., Ильина И. В. Тезаурус молодёжной политики в восприятии специалистов: позиционирование молодёжи как актора или агента социального действия // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 17–35. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.2](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.2). EDN [XMPADM](#).

Благодарность: Авторы статьи выражают благодарность сотрудникам «Росмолодёжи» за возможность обсуждения проекта, руководству и сотрудникам АНО «СУВАГ» за подготовку и проведение полевых работ.

Введение. В июле 2024 года «Росмолодёжь» выступила инициатором разработки стандарта качества оказания услуг учреждениями молодёжной политики. Подготовка и написанию стандарта предшествовало социологическое исследование, проведённое сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН. Исследование включало несколько этапов: фокус-группы с представителями региональных министерств, комитетов и учреждений молодёжной политики

(14 и 10 участников соответственно); анализ документов и научной литературы советского и постсоветского периодов в области молодёжной политики; а также экспертный опрос специалистов, непосредственно работающих с молодёжью (n=345), результаты которого не включены в анализ данной статьи. Здесь мы сосредотачиваемся на данных, полученных в результате фокус-групп и анализа документов.

Заявка на разработку стандарта качества оказания услуг учреждениями молодёжной политики отражает не только государственные интересы обеспечения суверенитета, включая международные аспекты, но и отвечает внутренним нуждам молодёжной политики, признавшей необходимость стандартизации¹. Многолетняя практика «свободного плавания»², характеризующаяся отсутствием жёсткой регламентации деятельности молодёжных учреждений, стала рассматриваться как недостаточно эффективная и не позволяющая оценить результаты молодёжной политики России в целом. Это поставило на повестку важные вопросы: цели современной молодёжной политики в России; понятие качества и эффективности услуг молодёжных организаций; определение молодёжи с учётом региональной неоднородности и демографических вызовов; а также актуальность концепции самореализации молодёжи, особенно в условиях продолжающегося военного конфликта и сохраняющейся угрозы безопасности.

Исследование также акцентирует необходимость стратегического понимания современности в контексте технологических укладов, цифровизации, демографии и рисков развития, а также роли России как субъекта международного процесса — активного или пассивного. Важен анализ качеств, мышления, ценностей и готовности молодёжи к социальному действию.

Методология и методы исследования. Среди многочисленных современных отечественных исследований, посвящённых молодёжи и молодёжной политике [2; 3; 4], особое место занимают работы В. А. Лукова, в частности, его докторская диссертация [5], в которой были изложены основные исследовательские разработки автора в этом направлении, и наиболее свежая его монография 2021 года в соавторстве с С. В. Луковым и Д. А. Тихомировым «Формирование и реализация государственной молодёжной политики в современной России». Методология нашего исследования базируется на тезаурусном подходе, предложенном В. А. Луковым, согласно которому тезаурус — это систематизированные знания субъекта, структурированные не по общему и частному, а через ценностные разделения «своё» и «чужое» [6]. Это позволяет создавать чёткие дефиниции ключевых понятий молодёжной политики, категоризировать молодёжь по социальным и культурным признакам, исследовать взаимосвязи в молодёжном сознании и разрабатывать концептуальные модели молодёжной среды [1]. В соответствии с

¹ Заметим, что решения о стандартизации отрасли принимались и прежде. Например, в 2010 году Департаментом молодёжной политики и общественных связей Министерства спорта, туризма и молодёжной политики Российской Федерации был разработан «Базовый отраслевой перечень государственных услуг (работ), оказываемых (выполняемых) федеральными государственными учреждениями сферы молодёжной политики». Были предложены также примерные стандарты оказания услуг, рекомендуемые в соответствии с действующим законодательством. Подробнее об этом см. [1, с. 176].

² В отдельных работах говорится о противоречивой российской ситуации, которая складывается под влиянием общественных перемен, в результате чего происходит регулярная трансформация молодёжной политики. То есть позиция «свободного плавания» в данном случае — такая ситуация, при которой нет определённости и жёсткой регламентации деятельности учреждений молодёжной политики со стороны государства. См. [1, с. 25].

обозначенным подходом социологом была предложена собственная методология: 1. формирование терминологического аппарата, при котором происходит создание чётких дефиниций ключевых понятий, связанных с молодёжью, её особенностями, проблемами и перспективами развития; 2. категоризация (разделение понятия «молодёжь» на отдельные категории, такие как возрастная группа, социальные роли, жизненные стратегии, культурные предпочтения и др.); 3. анализ связей между терминами, то есть изучение взаимосвязей между различными категориями и аспектами молодёжного сознания, поведения и деятельности; 4. создание модели, заключающееся в формулировании концептуальной схемы, отражающей структуру и динамику молодёжной среды [5, с. 42].

Молодёжь авторами тезаурусного подхода рассматривается как социальная группа с развитой культурной жизнью, способная к гибкому взаимодействию с разными тезаурусами и переключениям в них. Однако подобные переключения при взаимодействии с другими тезаурусами происходят в том случае, если они не представляются как «чуждое» (термин введён авторами подхода), то есть не являются чем-то неприемлемым для субъекта и его картины мира, не видятся субъекту как опасное для «своего» [1, с. 152–153]. Таким образом, при переключении всё же происходит процесс согласования тезаурусов на предмет «своего», «чужого», «чуждого». Иногда этот выбор ситуативный, зависящий в том числе от обстоятельств.

В результате исследования авторы упомянутой монографии пришли к ряду важных выводов, отмечая, что «социокультурная субъектность молодёжи в современном российском обществе основывается: 1) на противоречивом сочетании коллективизма советской эпохи и индивидуализма постсоветского периода; 2) большом разрыве образов и стилей жизни городской и сельской молодёжи, молодёжи, проживающей в мегаполисах и малых городах и поселениях, в культурных центрах и на периферии, чему соответствует и разрыв в реализации социальной субъектности в зависимости от достигнутого уровня развития территории в аспекте информационного общества (цифровой экономики и т.д.); 3) принципиальном сходстве конфигурации ценностных ориентаций в различных социальных и культурных средах российских территорий» [1, с. 98].

В связи с выявленными социокультурными особенностями современной российской молодёжи, которая, проживая в экономически и культурно неоднородных регионах России, придерживается одновременно отличных и схожих стилей жизни, стандартизированных, а в иных случаях уникальных взглядов, авторы упоминаемого исследования указывают на то, что и молодёжная политика по своим задачам должна следовать в сторону повышенного внимания к ценностным ориентациям молодёжи. Это обуславливает прогноз на возрастание актуальности тематики воспитания, где доминирующей становится парадигма социокультурной субъектности молодёжи в коллективе сверстников, с её основополагающими тезаурусами и связанными с ними картинами мира. В этом плане возникает необходимость поддержания, с одной стороны, преемственности поколений, с другой, развития инноваций, о сохранении связи с наследием прошлого и открывающихся путей реализации молодёжного потенциала в стратегиях выстраивания будущего [7, с. 285–286].

Второй аспект наших исследовательских рассуждений касается не регулирования текущего взаимодействия молодёжи с современностью, а необходимости сохранения преемственности поколений и исторического наследия. Особенно учитывая, что одним из наблюдений упоминаемого нами выше исследования

о социокультурных чертах современной молодёжи является противоречивость современной молодёжи, обусловленная сочетанием коллективистских установок советской эпохи и индивидуалистических черт постсоветского периода. Как минимум в первых поколениях современной российской молодёжи (реформенных и миллениалах) сохраняется, пусть и противоречивая, связь с ценностными идеалами советского общества, что свидетельствует о более глубокой культурной укоренённости советской модели, чем простое физическое воспроизведение образа «советского простого человека» [8; 9]. Это указывает на то, что советская культура, несмотря на этапы трансформации и дистанцирования от имперского прошлого, всё же содержит в своей основе многовековые архетипические элементы русской национальной культуры.

Важным в этом контексте представляется ретроспективный анализ О. В. Аксёновой, которая выявляет диалектику социального действия как единство свободы и алгоритма: с одной стороны, социальное действие включает акторский компонент — способность к творческим и нестандартным решениям, выходящим за рамки инструкции; с другой — агентский компонент — действие по регламентированным алгоритмам и стандартам [10]. Среди факторов, влияющих на преобладание того или иного типа социального действия, — экономическая направленность, уровень модернизации и качество технологического развития, что реализуется через образовательные и воспитательные системы. С середины XX века в развитых странах наблюдается стремительное развитие технологических систем, в связи с чем и усиление агентского типа социального действия с характерным алгоритмическим мышлением и снижением творческой субъектности [11]. Последнее связано непосредственно с сутью технологической системы, которая организована достаточно просто, алгоритмически. В этом смысле сложность человеческого мышления, особенно нестандартного, становится помехой, ведущей к дополнительным рискам. Упрощение и стандартизация в массе — одна из задач общества, нацеленного на дальнейшее развитие технологий и активную цифровизацию. Как замечает Аксёнова, для России на протяжении веков было характерно преобладание акторского типа социального действия, что определялось множеством факторов, в частности, большими территориями, сложностями климата, довольно частой необходимостью жизни на преодоление (многочисленные оборонительные войны, восстановление после них, неурожаи, голод и т.д.), особой системой управления, где наблюдалась одновременно централизация и децентрализация власти с её перераспределением через воспроизводимого этой же системой актора. Это не исключает наличие агентского типа, но преобладание того или иного типа действия определяется особенностями мышления и степенью субъектности.

Диалектика акторско-агентских типов социального действия проявляется также в соотношении коллективизма и индивидуализма в организации социальной жизни. По мнению Аксёновой, российская социальная система, в том числе в советский период, и отчасти в настоящее время, характеризуется симбиозом культурных и системных элементов, что формирует более сложные формы социальной организации, нежели простое противостояние индивидуализма и коллективизма. Этот симбиоз проявляется, к примеру, в индивидуализме, ориентированном на общественное благо [12]. Анализ современных исследований, включая работы В. А. Лукова, демонстрирует, что дихотомия коллективизм/индивидуализм среди российской молодёжи имеет противоречивый и комплексный характер, который не сводится к новизне последних десятилетий, а является исторически обусловленным и культурно укоренённым явлением.

При анализе и стандартизации молодёжной политики важно учитывать два ключевых концепта: во-первых, наличие ярко выраженных тезаурусов современности, а во-вторых, сложность влияния исторического наследия, проявляющегося через акторско-агентские императивы. Поскольку мы изучали не саму молодёжь, а тех, кто с нею работает и организует молодёжную политику, особенно важно было разобраться с тем, каков тезаурус непосредственно её учредителей и исполнителей, и насколько в их картине мира присутствует представление о молодёжи как об активно действующем акторе. С этой целью в ходе фокус-групп (как с представителями региональных министерств (14 чел.), так и с руководителями учреждений молодёжной политики на местах (10 чел.)) модератором зондировалось, что такое молодёжная политика, с какой целью она осуществляется, как понимается участниками молодёжь, какова её региональная специфика, что сегодня может быть свидетельством успешно проводимой молодёжной политики в России и т.д. При этом для нас было важно определить не только тезаурус современных управленцев в области молодёжной политики относительно их профессионального интереса, но и то, как этот тезаурус складывался в советское и в настоящее время. Был проведён традиционный анализ документов для изучения и сопоставления соответствующих определений (молодёжная политика, её цели, молодёжь и требования к ней, субъекты молодёжной политики и т.д.), представленных в официальных документах, распоряжениях, научной литературе советского и постсоветского периодов. Сравнительный анализ официальных документов советского и постсоветского периодов позволил выявить эволюционные изменения и современные ориентиры в государственном понимании молодёжной политики.

Тезаурусы советских и российских официальных источников о молодёжной политике. Под молодёжной политикой, согласно Федеральному закону от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации», понимается:

«комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, реализуемых на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и граждан Российской Федерации, в том числе индивидуальных предпринимателей, и направленных на создание условий для развития молодёжи, её самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации»³.

Акцент в данном определении делается на молодёжной политике как деятельности, исходящей от государства и органов местного самоуправления, на

³ Федеральный закон от 30.12.2020 г. №489-ФЗ «О молодёжной политике в РФ» (В редакции федеральных законов от 22.04.2024 № 95-ФЗ, от 28.12.2024 № 550-ФЗ, от 23.07.2025 № 258-ФЗ) // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 14.05.2025).

правленной на поддержку молодёжи, регулирование её сознания и поведения, организацию её активности. Конечной целью такой политики выступает обеспечение устойчивого социально-экономического развития, конкурентоспособности и безопасности страны. Научная литература также уточняет цель молодёжной политики как развития молодёжи для достижения могущества России [13].

В Советском Союзе основным субъектом управления молодёжью был ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи) или комсомол, находившийся под патронажем КПСС [14]. Действуя на основании Устава, организация ориентировалась на выборность, добровольность, самоуправление и связь с членами на разных уровнях; она имела разветвлённую структуру, охватывающую всю территорию СССР от первичных подразделений до общесоюзных органов.

В современной России субъектами молодёжной политики, согласно ФЗ «Омолодёжной политике в Российской Федерации», являются молодёжь, молодые семьи, молодёжные общественные объединения, федеральные и региональные органы власти, органы местного самоуправления, а также прочие организации, работодатели, профсоюзы, СМИ и отдельные граждане, включая индивидуальных предпринимателей. В отличие от централизованной советской системы, современная молодёжная политика характеризуется децентрализацией и распределением ответственности среди множества субъектов.

Тем не менее, несмотря на заявленную субъектность молодёжи в современном законодательстве, она зачастую выступает скорее объектом, чем активным субъектом молодёжной политики, являясь адресатом различных программ и инициатив.

В период СССР приоритетной задачей комсомола было идеологическое воспитание молодёжи на основе ценностей патриотизма, деятельности на благо страны, защиты Родины и готовности служить ей, в том числе и жизнью (Устав ВЛКСМ):

«готовым отдать для неё все свои силы, а если понадобится — жизнь, крепить мощь Вооружённых Сил СССР, изучать военное дело, проявлять бдительность, хранить государственную тайну»⁴.

Также важны были такие нравственные ценности, как общественный долг, взаимопомощь, честность, нравственная чистота, уважение в семье и борьба с социальными пороками. Члены комсомола должны были проявлять дисциплинированность, самокритику, быть примером в учёбе, труде и физической деятельности.

Другой ключевой задачей было повышение гражданской активности молодёжи через участие в общественно-полезной деятельности, содействие трудоустройству и организации досуга, подкреплённое активным участием комсомола в строительстве и развитии страны. В Уставе ВЛКСМ читаем:

«Комсомол принимает активное участие в создании материально-технической базы коммунизма, во всем государственном и хозяйственном строительстве, в освоении природных богатств нашей страны, в строительстве новых городов, заводов, фабрик, рудников, в дальнейшем подъёме сельского хозяйства, в развитии науки, культуры и искусства»⁵.

⁴ Устав ВЛКСМ. URL: <https://web.archive.org/web/20120418201519/http://komsomol.front.ru/files/ustav.html> (дата обращения: 14.05.2025).

⁵ Там же.

Современная молодёжная политика нацелена на *защиту прав и интересов молодёжи, на создание условий для её духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации, и создание условий для участия в разных областях общественной жизни*. Подчеркнём, условия могут быть, однако мотивация при этом может отсутствовать. Также для современной молодёжной политики важной задачей является *поддержка молодых семей и формирование культуры семейных отношений для улучшения демографической ситуации* в Российской Федерации⁶. При этом не хватает мотивационно-ценностной составляющей, поэтому открытым остаётся вопрос: что же будет вдохновлять молодых людей на повышение рождаемости? Современный официальный тезаурус молодёжной политики представляется менее конкретным и вдохновляющим по сравнению с советским.

Кроме того, современные задачи молодёжной политики включают борьбу с рисками и угрозами, такими как экстремизм, ксенофобия, коррупция и дискриминация, что отражает глобальные тренды повышения социального риска [15]. В федеральном законе «О молодёжной политике...» есть такая цель:

«...формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям».

Несмотря на важность учёта рисков, есть ограничения по тексту самого закона, так как из текста складывается впечатление, что нравственные ценности и смыслы нужны только для противостояния всему негативному, не являясь сами по себе значимыми. Таким образом подчёркивается инструментальная роль нравственных ценностей как противодействия негативным явлениям, что сужает их значение до утилитарной функции.

В СССР воспитание на основе чётко определённых идеалов и ценностей было приоритетом. В современной России акцент смещён к защите прав и самореализации, но, как известно, прежде чем реализовывать что-то, нужно это сформировать, взрастить. Хотя в современном законодательстве встречаются общие упоминания о нравственных ориентирах (патриотизме, гражданственности, преемственности традиций), конкретизация этих понятий зачастую отсутствует. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» вводит более конкретные формулировки — приоритет духовного над материальным, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и уважение, созидательный труд, крепкая семья, историческая память⁷ — но даже с этим документом современный молодёжный тезаурус не достигает ясности и уровня вдохновения советской идеологии. В итоге можно сделать следующие выводы: 1) язык ценностных и нравственных

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Гарант.Ру. URL: <https://base.garant.ru/70813498/>; Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство России: [официальный сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 14.05.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.05.2025).

ориентиров советского времени конкретнее, чем современного (даже с учётом добавлений из указа Президента); 2) активное внедрение данных ценностей пока не затронуло в полной мере современную молодёжную политику, так как её приоритет не воспитательный (хотя в исследовании Вл. Лукова прогнозируется в ближайшем будущем усиление именно воспитательной компоненты).

Сравнительный анализ демонстрирует, что направления деятельности молодёжной политики в советский и современный периоды схожи (патриотическое и нравственное воспитание, общественная активность, образование, досуг). Однако к современным задачам добавилось противодействие негативному влиянию информационных потоков и угрозам безопасности. Кроме того, как показывает анализ официальных текстов молодёжной политики советского и российского периодов, в СССР деятельность комсомола была ориентирована на всю молодёжь, которую и формировали как инициативную и одарённую, при этом большая часть деятельности молодёжи того времени определялась как добровольческая. В настоящее время молодёжь и работа с ней дифференцируются, кластеризуются, приоритетной деятельностью при этом признается волонтерство со всеми сопутствующими данному термину организационными и управленческими принципами.

В СССР требования к молодёжи были высоки: она должна была самоотверженно служить комсомолу и государству, активно участвовать в жизни общества, а КПСС — выступать руководителем и наставником. Во всех сферах жизни общества, как отмечается основоположником идеи государственной молодёжной политики, её теоретического и правового обоснования, И. М. Ильинским⁸, присутствовало патерналистическое отношение к молодёжи [13; 16; 17]. В современной России молодёжь, формально признаваемая субъектом молодёжной политики, остаётся во многом объектом управленческих воздействий, а в официальной речи управленцев встречается понятие экономической лексики «потребитель», охватывающее не только молодёжь, но и социально уязвимые категории граждан (малоимущие молодые семьи, участники СВО определённого возраста и т.д.).

Преимуществом возрастных организаций и идеологическая социализация в СССР способствовали формированию активной, инициативной молодёжи, сыгравшей роль в исторических победах и развитии страны. В современности отсутствует чёткая концепция развития молодёжной политики, что подтверждается результатами фокус-групп, отражающих ограниченность стратегического планирования, системности и согласованности в действиях структур молодёжной политики.

Таким образом, современные вызовы требуют переосмысления и конкретизации целей и ценностных ориентиров молодёжной политики для обеспечения её эффективности и социальной значимости.

Тезаурус руководителей и управленцев молодёжной политики. Тезаурус выявлен в ходе двух фокус-групп — с представителями региональных министерств, комитетов и руководителями учреждений молодёжной политики.

⁸ Результатом активной деятельности И. М. Ильинского стал Закон СССР от 16.04.1991 г. № 2114-1 «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР». С 1 сентября 2013 г. формально этот закон утратил свою силу в связи со вступлением в действие Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Но концептуально он не потерял своего значения, войдя в главных своих положениях и в новый закон. Подробнее см. [16; 17].

В процессе обсуждения понятия «молодёжная политика» уже на старте фокус-групп проявилась множественность взглядов и отсутствие единого определения, что указывает на вариативность представлений об этом.

• Среди первых опорных тезисов прозвучало определение **молодёжной политики как баланса интересов государства и молодёжи**. Один из участников подчеркнул:

«Молодёжная политика — это поиск и баланс интересов государства и молодого человека. <...> Мы понимаем, что у нас задачи ставятся государством и внутривполитическим блоком и многими другими, и в то же самое время нам надо учесть развития личностные и возможности молодого человека. Вот этим мы как раз и занимаемся, пытаемся найти точку соприкосновения: чтобы и государству было безопасно и хорошо, и чтобы молодому человеку было безопасно и хорошо» (муж., Комитет молодёжной политики Ленинградской области).

Данный нарратив акцентирует внимание на безопасности и удовлетворении интересов обеих сторон. Далее следовало конкретизирующее представление о молодёжной политике как системе, способствующей своевременному взрослению и достижению жизненного успеха молодого человека, что отвечает интересам обеих сторон. Как отмечали участники фокус-групп, крайне важно добиться своевременного взросления молодого человека, без отставаний по жизненным задачам. Подчёркивалось, что неприемлемой является иждивенческая позиция молодого человека, прошедшего через учреждения молодёжной политики, но так и не ставшего самостоятельным успешным взрослым. Результативность молодёжной политики должна определяться не только жизненным успехом молодого человека, но и совпадением с задачами государства, что обозначалось понятием маршрутизации жизненного пути:

«Мне кажется, когда мы говорим о молодёжной политике как о поиске баланса интересов государства и молодёжи, мы заведомо ставим государство в рискованную позицию. Создавая целый спектр возможностей, но не маршрутизируя по нуждам государства самого молодого человека, мы тем самым упускаем важную составляющую молодёжной политики. Создать кучу возможностей для того, чтобы человек метался в них и выбрал в конечном итоге не то, неправильно. <...> Если мы не маршрутизируемся с нуждами государства, то мы значит играем в игры с воздушными замками... Если мы сами не ставим перед собой задачу, где конкретно должен оказаться молодой человек по истечении 35 лет, то с точки зрения реализации молодёжной политики её успешность заключается в том, чтобы он определился в своей жизни раньше своих 35 лет. <...> В целом, задача государственной молодёжной политики заключается в том, чтобы ты как можно раньше повзрослел, стал самостоятельным, экономическим субъектом, завёл собственную семью...» (жен., Агентство по делам молодёжи, Пермский край).

• Кроме того, **молодёжная политика была охарактеризована как посредничество**, где соответствующие специалисты выступают как проводники, призванные донести до молодёжи возможности, часто с патерналистским оттенком. Соподчинённость проявилась в языке, где молодёжь представлена как группа, которой «нужно раскрыть глаза»:

«Молодёжная политика — проводник между государством и молодёжью, которой нужно раскрыть глаза на то, что у неё куча возможностей. А оно так и есть. Для меня как для человека — выходца из республики, это очевидно...» (муж., отдел координации и работы с молодёжными проектами, Донецкая Народная Республика).

• Важным было и понимание **молодёжной политики как системы трансляции смыслов** и воспитания, что связывалось с реализацией президентских указов и стратегий развития:

«Слово воспитание становится преобладающим в нашей работе в связи с последними указами президента и принятой стратегией до 2030 года. Понятие “единая среда”, в том числе “воспитательная среда”, которую мы должны с “Движением первых” и с системой образования создать, уходит своей историей в вопрос о самореализации молодёжи. Создание ценностей, гражданственности становятся преобладающими. Это становится самостоятельной историей внутри нашей большой истории по молодёжной политике» (муж., Агентство по делам молодёжи, Архангельская область).

Аспект воспитания молодёжной политики особенно актуален для руководителей молодёжной политики новых российских территорий. Они подчёркивали необходимость для своих областей прежде всего качественной, а не количественной оценки молодёжной политики, так как местная молодёжь ещё недостаточно интегрирована, и требуется время для отказа от прежних идеологем (связанных с украинской пропагандой) и освоения новых культурных смыслов. Однако подобная региональная специфика, по оценке других участников фокус-групп, не является распространённой. При существенных различиях российских регионов, деятельность молодёжных учреждений на их территориях не сильно разнится (исключение, как заметили участники фокус-групп, составляет Северо-Кавказский округ, имеющий свою специфику). Новые российские территории, вливаясь в пространство российского социума, переживают этап адаптации со своей оценкой эффективности — прежде всего содержательной, смысловой:

«...У нас просто в Херсонской области есть некоторые сложности, мы сейчас проходим те этапы, которые вы (обращение к руководству молодёжной политики ДНР — прим. авторов) ранее прошли. Мы радуемся, например, тому, что у нас молодёжь не прячет лиц на фотографиях, радуемся, что они выходят с российскими флагами и не выбрасывают их. То есть тут есть такие нюансы <...> Здесь нам на новых территориях, наверное, больше смысловой темой надо наполняться, а потом уже, когда мы до конца интегрируемся, к каким-либо количественным показателям переходить» (муж., управление патриотического воспитания и методического сопровождения в молодёжной среде Министерства молодёжной политики, Херсонская область).

• Ещё одно понимание молодёжной политики — **взгляд на неё как на систему с «бесшовным переходом»**, с плавным движением молодого человека из одной институциональной структуры в другую (детский сад — школа — вуз и далее), без страха «не успеть» или «не попасть». Как пояснил один из участников фокус-группы, «бесшовный переход» — это необходимость государственных органов молодёжной политики видеть траекторию и жизненный путь мо-

лодого человека как на ладони. Язык опять же выдаёт необходимость, с одной стороны, определённого контроля молодёжи со стороны государства, с другой, опеку («видеть как на ладони»):

«Хотя у нас возраст молодёжи 14–35, но в эту категорию самые разные государственные задачи попадают, начиная от стратегии развития, семейного воспитания, демографических программ до участия в спецоперации в качестве мобилизованного. И нам важно, чтобы мы не теряли человека, чтобы его траектории, его жизненный путь был для нас как на ладони» (муж., Комитет молодёжной политики Ленинградской области).

Одной из задач молодёжной политики и отчасти критерием её результативности называлась способность региональных организаций готовить кадровый управленческий резерв для своих регионов и областей. В идеале уроженцы этих территорий и активисты молодёжной политики — это будущие региональные и местные руководители.

В целом, тезаурус руководителей отражал ключевые понятия: «баланс интересов», «маршрутизация жизненного пути», «посредничество», «трансляция смыслов», «бесшовный переход» и «будущие управленческие кадры». Как можно заметить, участники фокус-групп риторически не только попадали в тезаурус официальных документов молодёжной политики РФ, который был рассмотрен выше, но и транслировали некоторые маркеры советской системы молодёжной политики: преемственность возрастных организаций (октябрята, пионеры, ВЛКСМ), ранняя социализация и идейное воспитание подрастающего поколения. Важно, что сама молодёжная политика представлялась как крайне вариативная по своим задачам система.

• **Молодёжь и взгляд на неё профильных специалистов.** Обсуждение выявило следующие представления представителей молодёжной политики о молодёжи. Во-первых, это группа определённого возраста (14–35 лет); во-вторых, неоднородная по регионам, по активности участия в мероприятиях, проводимых учреждениями молодёжной политики («актив» и «пассив»), по наличию компетенций; в-третьих, несущая риски, так как из-за неоправданных ожиданий активные лидеры могут превратиться в оппозиционеров. От молодёжи ожидают как можно более ранней самостоятельности, ответственности и своевременного становления полноценным «экономическим субъектом». В свою очередь результативность молодёжной политики связывается с грамотной маршрутизацией жизненного пути молодого человека в соответствии с запросами государства.

Перечисленные нарративы отсылают к упомянутой ранее концепции диалектики социального действия (О. В. Аксёнова), которая проявляется в том, как видят специалисты/представители сферы молодёжной политики своего реципиента, в позиции актора или агента.

Отметим, что язык выдаёт не только положительное отношение чиновников к молодёжи, но и настороженное, что проявилось, например, в описании молодёжи как группы, несущей определённые риски для государства (в случае долгого и несвоевременного взросления), или как оппозиционной части общества.

Сам факт обсуждения работы с активной и пассивной молодёжью указывает на наличие специальных техник влияния на представителей каждой из этих групп. Условно «пассивная» часть молодёжи связывается специалистами молодёжной политики с «историей равных возможностей», с мероприятиями, не

предполагающими особых навыков (как того требуют конкурсы, ориентированные на молодёжный «актив»). Вслед за этим раскрываются исторические вехи молодёжной политики, когда установка в отрасли была на работу исключительно с лидерами:

«Надо признать, что мы лет десять жили с мыслью о том, что мы работаем только с лидерским сообществом. Инструменты были заточены на то, чтобы выявить актив. И дальше в этой логике вроде бы актив должен был бы транслировать все задачи молодёжной политики. Но ребята вырастают из этой жизненной истории и у них становятся другие жизненные приоритеты. Вот и всё!» (жен., Агентство по делам молодёжи, Пермский край).

Многолетняя установка обнаружила несколько драматических моментов. Лидеры среди молодёжи не всегда соответствовали предъявляемым к ним требованиям, формально участвуя в многочисленных мероприятиях молодёжной политики, по своим компетенциям и развитию лидерами не становясь. В условиях жёсткой нацеленности на лидерство среди молодёжи на несоответствия зачастую закрывали глаза. На фокус-группах эта тематика вызвала довольно сильный отклик, отмечалось, что было время, когда лидеров от молодёжи продвигали не по заслугам, а по их «выслужливости», негласно поощряя подобный сценарий карьерного продвижения. В связи с этим можно вспомнить истории окомсомоле позднего СССР, где «выслужливость» в какой-то момент стала более значимым качеством, чем искреннее следование комсомольским идеалам [18]. Правда в отличие от позднего СССР, в современной истории это совпало не с этапом распадающейся, деградирующей государственной системы, а только формирующейся Российской Федерации.

«Да, да, да. В этом слабое место лидерских программ. Казалось бы, человек активничает, но дальше не развивается. Он на каком-то моменте стопорится и всё. И он считает, что он лидер, что ему все должны, что его должны дальше тянуть. Раньше была такая практика, наверное, сами помните, конец 2010-х годов, когда людей продвигали не по компетенциям, а по выслужливости. И эти люди как раз, вот эти лидеры и вытали из этой обоймы, и с ними проблемы то и возникают...» (муж., Комитет молодёжной политики Ленинградской области).

Говоря о несостоявшихся молодёжных лидерах, в первую очередь упоминались неоправданные ожидания и то, что часть из них оказалась «не у дел», не получив обещанного государством быстрого социального лифта. Многие в дальнейшем ушли в оппозиционные сообщества. Характерно, что наряду с «лидерами», для которых, по образному выражению, отсылающему к спортивной риторике, не хватило «скамейки», были те, кто обладал и компетенциями, и сильным характером. В их описании выделялась критичность и сложность личности, они «не велись на лозунги», но и не создавали проблем, напротив, чувствовалась отдача и польза:

«А те люди, которые имеют компетенции, с ними то как раз проблем и нет. С ними сложнее, с ними трудно начать, потому что у них, допустим, есть какое-то критичное мнение, и его надо отрабатывать реально, а не лозунгами, а с ними потом проблем как раз и нет. А вот с теми, к кому на лозунгах мы входили, и возникали потом проблемы» (муж., Комитет молодёжной политики Ленинградской области).

Отметим, что об ошибках с молодёжным лидерством говорилось в прошедшем времени, как если бы проблема была устранена, или не обнаруживала себя в настоящем.

Важно то, что тезаурус управленцев, обозначив лидерство и ориентацию на него среди молодёжи как одну из вех истории молодёжной политики, отметил и то, что лидеры бывают разными — условно подлинными и фальшивыми. Одни делают дело и меняют среду вокруг себя, другие создают имитацию. Последним, похоже, не достаёт акторского начала и способа мышления, при котором действие становится по-настоящему эффективным, полезным (в том числе с точки зрения собственных ожиданий) и творческим. При этом настоящий актер, в соответствии с высказываниями о подлинных лидерах, неудобен, сложен, критичен, требует разговора не лозунгами, а в контексте значимых для него смыслов. «Фальшивый лидер» в итоге оказывается в оппозиционных группах, будучи не способным в полной мере соблюсти ни свой личный, ни общественный интерес. То есть не проявляя ни индивидуалистической, ни коллективистской позиции, по сути, не являясь в полном смысле самостоятельным субъектом.

В контексте обсуждения молодёжи, отмечалась и проблемная неопределённость понятия «самореализация», которая затрудняет постановку целей молодёжной политики и контроль за их достижением. Указывалось, что подобная неопределённость — не столько особенность самих управленцев на местах, сколько отсутствующая официальная позиция. Язык официальных документов слабо проясняет ситуацию, предлагая крайне общие и размытые формулировки:

«И в рамках молодёжной политики абсолютно обтекаемо: самореализация молодого человека, без чётких цифр, без чётких показателей. Складывается такое впечатление, что у нас до конца даже наверху не понимают, что хотят получить от молодёжной политики. Поэтому очень сложно ставить цели и самим себе. Вы все смеётесь, но так и есть. Иногда как с этим бороться просто не понимаешь» (муж., отдел координации и работы с молодёжными проектами, Донецкая Народная Республика).

Подобные высказывания вызывали смех, свидетельствуя, что тема действительно острая и отчасти щекотливая. Таким образом, руководители и исполнители в сфере молодёжной политики находятся в ситуации, когда им не до конца ясны цели, задачи, основные термины. С этой неопределённостью, как можно предположить, связана и проблема отсутствия методики контроля. Неопределённость диктует свой формат планирования, затруднительный для некоторых специалистов молодёжной политики. Однако другими участниками фокус-групп подобная неопределённость рассматривалась как степень их собственной свободы в действиях и реализации молодёжной политики. То есть незаформулированность отрасли в условиях её относительно нежёстких управляемости и контроля со стороны государства имеет и свои преимущества.

Тезаурус чиновников молодёжной политики относительно молодёжи характеризуется тем, что в нем есть требования к молодёжи, и её качества определяются не столько возрастом, сколько способностью соответствовать предъявляемым требованиям. Основными понятиями, связанными с молодёжью, являются: лидер, лидерские сообщества, подлинный и фальшивый лидер, лидер-оппозиционер, молодёжь, несущая риски государству, актив/пассив молодёжи, мероприятия для молодёжного актива и пассива. Молодёжь рассматривается как крайне неоднородная, сложная с точки зрения своих потребностей группа. При

этом одним из главных требований как к молодёжи, так и к работе учреждений молодёжной политики остаётся своевременное взросление молодой личности, успешное вхождение в экономическую, семейную, демографическую историю страны, последовательное следование жизненным циклам. Всё должно быть вовремя и без дополнительной нагрузки на государство (последнее особо важно). Специалисты/представители молодёжной политики хотели бы так же видеть в молодёжи лидеров (так они это определяют), но не фальшивых, а подлинных. При этом сама система молодёжной политики была организована так, что фальшивое лидерство какое-то время поддерживалось. Можно предположить, что термин «лидер» не вполне удачен и не способен объяснить то, что так нравится самим руководителям молодёжной политики. Описывая «подлинного лидера», они говорили о сложной, изначально неудобной, но честной и верной своим идеалам личности. Важно не оставлять разговор о «подлинном» человеке, его ценностях и о том, какой молодой человек нужен России.

• **Тезаурис о стандартизации молодёжной политики.** Как показало обсуждение фокус-групп, процесс стандартизации отрасли связан со структурной перестройкой системы молодёжной политики. С одной стороны, определённую популярность приобрели удобные многофункциональные центры, с другой, есть заявка от государства на укрупнение многочисленных и слабо поддающихся систематизации и контролю молодёжных учреждений, среди которых много узкопрофильных. Таким образом, как видится это со стороны исполнителей, возникло желание «почистить» отрасль, убрав мелких и не вполне эффективных игроков. Происходит как будто централизация молодёжной политики по аналогии с тем, как это было в СССР, свидетельством чему может служить, например, появление таких организаций, как «Движение Первых», «Росмолодёжь», с другой, в реалиях современной капиталистически ориентированной России это иная централизация, с иными задачами. Отсюда и осторожное отношение некоторых участников фокус-групп к процессу стандартизации отрасли, ведь в итоге могут пострадать узкопрофильные и небольшие, но не менее важные учреждения молодёжной политики на местах. Укрупнение может лишить возможности пользоваться услугами учреждений молодёжной политики молодёжь вне агломераций:

«Мы как отрасль должны расти, развиваться за счёт прироста инфраструктуры. И то, что существуют такие организации, как многофункциональные центры — это хорошо, но есть и узкопрофильные. Центр психологической поддержки, стационарные лагеря, подростковые центры. При этом всякий раз нужны доказательства, что эти узкопрофильные учреждения действительно нужны. Объясню почему? <...> Постоянно на уровне государственного экономического блока существует желание схлопнуть это всё в одно учреждение. В одно или в два. То есть не расширять, а наоборот, сужать отрасль. С нашей позиции как защитников отрасли, нам хотелось бы не схлопываться, а расширяться. Для этого всякий раз нам надо доказывать, что каждое учреждение само по себе играет важную и независимую роль» (муж., Агентство по делам молодёжи, Архангельская область).

Одним из основополагающих в программе стандартизации является перечень сервисов и услуг, которыми может воспользоваться молодёжь в настоящее время. При этом акцент делается на услуге, оставляя в прошлом понятие «работ» учреждений молодёжной политики. Это вызвало отдельное обсуждение в фокус-группах. В частности, указывалось, что термин «услуга», плохо зареко-

мендовавший себя ранее в системе образования, при введении его в молодёжную политику может исказить суть работы с молодёжью.

Таким образом, тезаурус управленцев молодёжной политики отражает сложный и многогранный взгляд с признанием достижений, проблем и перспектив отрасли. Язык участников фокус-групп выдавал обеспокоенность за будущее отрасли, они не хотели бы видеть укрупнение и стандартизацию, при которых незащищённая часть молодёжи (прежде всего в отдалённых сельских регионах) остаётся без услуг молодёжной политики, а гуманистический смысл выхолащивается как из используемых терминов, так и из процесса взаимодействия с молодёжью.

Заключение. В настоящей работе с использованием тезаурусного подхода исследовались смысловые языковые конструкции российского законодательства в области молодёжной политики, включая сравнение с советским законодательством. Были проведены фокус-группы со специалистами, ответственными за молодёжную политику (руководители и заместители руководителей министерств, комитетов и директоры учреждений), что позволило проследить, каким образом формируется понимание понятий «молодёжь», «молодёжная политика» и её цели у организаторов этой политики. Цель изучения состояла в выявлении и анализе того, как на уровне законодательной и организационно-управленческой базы посредством языковых конструкций формируется и отражается понимание главного субъекта молодёжной политики — молодёжи, её запросов, перспектив и роли в развитии страны.

В дополнение к тезаурусному подходу была применена концепция диалектики социального действия, которая позволила интерпретировать данные языковых конструкций с точки зрения восприятия молодёжи либо как пассивного, либо как активного субъекта. Исследовалось, наделяет ли государство молодёжь качествами актора или агента социального действия, а также какие ожидания связаны с молодёжью — является ли она активным участником развития страны либо выполняет ограниченные и детерминированные функции.

Результаты исследования выявили, что понимание молодёжи и молодёжной политики у непосредственных учредителей, организаторов и исполнителей не является полностью сформированным. Среди руководителей, ответственных за неё, отсутствует чёткое понимание целей молодёжной политики, особенно в долгосрочной перспективе, что сказывается на ограниченности стратегического планирования, отсутствии системности и согласованности в действиях структур молодёжной политики. Выявленная неопределённость создаёт риски для реализации заявленных государственных приоритетов.

Руководители молодёжных организаций характеризуются достаточно разрозненными взглядами на молодёжную политику, которые можно условно разделить на две смысловые линии. Первая — баланс интересов государства и молодёжи, вторая — патерналистская, в рамках которой молодёжная политика воспринимается как инструмент поддержки и защиты молодёжи в процессе самореализации, при этом молодёжь рассматривается как пассивный субъект и опекаемая группа. Поддерживается концепция агентской, а не акторской модели личности (хотя надо признать, что участники фокус-групп и высказывали своё предпочтение подлинным, а не фальшивым молодым лидерам) и социального действия, при которой интересы молодёжи должны совпадать с интересами государства.

Молодёжь (в том числе на уровне законодательства) рассматривается как неоднородная и сложная группа, условно делящаяся на активных и пассивных участ-

ников, включая лидеров (как истинных, так и ложных, уходящих в оппозицию при неоправданных ожиданиях), а также тех, кто нуждается в социальной поддержке. Руководители ожидают от молодёжи своевременного взросления в соответствии с этапами социального вхождения, пропагандируемые государством как «успешная жизнь», одним из критериев которой является становление молодого человека полноценным экономическим субъектом. Для некоторых участников фокус-групп это является показателем эффективности молодёжной политики.

Важным представляется постепенный отход государства и представителей молодёжной политики от неоднозначных и обобщённых формулировок в определении молодёжи, её потребностей и задач, а также самой молодёжной политики и её целей. Это позволит повысить прозрачность работы специалистов, осуществляющих деятельность в данной области, а также установить объективные критерии оценки эффективности молодёжной политики. Рекомендуется при стандартизации отрасли учитывать различие между молодёжью как «потребителем услуг» и как «актором развития», закрепляя в документах механизмы поддержки именно субъектной позиции.

В заключение следует подчеркнуть научную новизну проведённого исследования. В нём комплексно был применён тезаурусный подход к анализу смысловых языковых конструкций в законодательстве и практиках российской молодёжной политики, включая взгляды самих руководителей и специалистов на местах. Это позволило выявить недостаточную сформированность понимания молодёжи и молодёжной политики у самих специалистов/представителей молодёжной политики, а также противоречия в их представлениях и специфику патерналистского подхода в восприятии молодёжи. Использование концепции диалектики социального действия обогатило интерпретацию, позволив рассмотреть вопросы субъектности молодёжи в контексте её активного или пассивного социального действия. Исследование вносит важный вклад в социологию молодёжи и молодёжную политику, предлагая интеграцию методологических и теоретических подходов к анализу государственных практик и коммуникаций с молодёжью.

Библиографический список

1. Луков Вал. А., Луков С. В., Тихомиров Д. А. Формирование и реализация государственной молодёжной политики в современной России. М. : Русайнс, 2021. 286 с. EDN [ANTBOE](#).
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020](#). EDN [BNSNDA](#).
3. Ильинский И. М. Молодежь России и проблемы образования (пути, которые выбрали не мы). М. : МосГУ, 2022. 813 с. EDN [KSMOSB](#).
4. Меркулов П. А. Молодежная политика в России: государственные и общественные управленческие практики. Орёл : Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, 2017. 160 с. EDN [YSUZLL](#).
5. Луков В. А. Социокультурные основания социальной субъектности российской молодежи (тезаурусная концепция молодежи) : дис... д-ра социол. наук : 22.00.06 / Луков Валерий Андреевич. М., 2019. 438 с. EDN [RPRHOV](#).
6. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Национальный институт бизнеса, 2008. 782 с. EDN [QOAAEF](#).
7. Пинчук А. Н., Кареева С. Г. Государственная молодежная политика в современной России: переосмысление перспектив в тезаурусном подходе // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2. С. 282–287. DOI [10.17805/zpu.2022.2.22](#). EDN [IUBVOA](#).
8. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 224 с. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](#). EDN [STOTFS](#).
9. Левада А. Ю. Ищем человека : социологические очерки, 2000–2005. М. : Новое издательство, 2006. EDN [QOGBAH](#).

10. Аксенова О. В. Диалектика социального действия. К методологии изучения трансформаций субъектности // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 122–149. DOI [10.19181/ezheg.2023.5](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.5). EDN [ZMVQYE](https://www.edn.ru/entry/2023/05/10).
11. Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М. : Институт социологии РАН, 2016. 304 с. EDN [VYBENB](https://www.edn.ru/entry/2016/07/11).
12. Аксенова О. В. Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса // Философские науки. 2024. Т. 67, № 2. С. 81–96. DOI [10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96). EDN [FCVWSR](https://www.edn.ru/entry/2024/02/12).
13. Ильинский И. М. Государственная молодёжная политика в СССР. М. : МосГУ, 2017. 432 с. EDN [YDWXKC](https://www.edn.ru/entry/2017/02/13).
14. Ильинский И. М., Луков В. А. Феномен комсомола и современные тенденции развития молодёжного движения в России // Социологические исследования. 2018. № 10(414). С. 44–53. DOI [10.31857/S013216250002157-5](https://doi.org/10.31857/S013216250002157-5). EDN [YOUXTN](https://www.edn.ru/entry/2018/10/14).
15. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007. 288 с. EDN [VJCPYE](https://www.edn.ru/entry/2007/07/15).
16. Закон о молодежи: Документы и материалы по истории становления государственной молодёжной политики в России : в 2 т. / Сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. Т. 1. М. : МосГУ, 2008. 544 с. EDN [QRDJRR](https://www.edn.ru/entry/2008/07/16).
17. Закон о молодежи: Документы и материалы по истории становления государственной молодёжной политики в России : в 2 т. / Сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. Т. 2. М. : МосГУ, 2008. 547 с.
18. Подлесная М. А. Православная религиозность в условиях социальных изменений: социологическая рефлексия жизненных историй верующих советских и пост-советских поколений. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 498 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-417-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-417-8.2023). EDN [MGFVHN](https://www.edn.ru/entry/2023/08/18).

Поступила: 24.11.2025. Доработана: 11.02.2026. Принята: 20.02.2026.

Сведения об авторах:

Подлесная Мария Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. yamap@yandex.ru
Author ID РИНЦ: [661786](https://elibrary.ru/author_index.action?id=661786); ORCID: [0000-0002-2159-4958](https://orcid.org/0000-0002-2159-4958)

Ильина Илона Валерьевна, старший преподаватель, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия. i.v.ilina@utmn.ru
Author ID РИНЦ: [893346](https://elibrary.ru/author_index.action?id=893346); ORCID: [0000-0003-3118-2372](https://orcid.org/0000-0003-3118-2372)

М. А. Podlesnaia¹, I. V. Ilina²

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

²Tyumen State University. Tyumen, Russia

YOUTH POLICY THESAURUS IN SPECIALISTS' PERCEPTIONS: POSITIONING YOUTH AS ACTORS OR AGENTS

Abstract. The Youth policy is undergoing significant transformations aimed not only at meeting modern challenges but also at creating conditions for the life and self-realization of new generations. The state of this sphere is directly linked to the country's development prospects and the role of youth as a subject of social action capable of realizing these prospects. The theoretical foundation of the study comprises the thesaurus approach and the concept of the dialectic of social action. Research methods included focus groups with representatives of regional ministries, committees, and heads of organizations working with youth, as well as an analysis of regulatory legal acts. It was revealed that youth policy as a sphere of government activity is undergoing reform and

standardization, which leads to difficulties in clearly defining its goals and objectives, both among specialists and decision-makers, and within the legislative framework. There are challenges in identifying young people and their needs, as well as in developing clear criteria for assessing the effectiveness of youth policy. In the rhetoric of decision-makers, youth is often portrayed as a passive social group in need of state support and control, rather than as an active subject — an actor of social action. Despite some attention to the criterion of “timely maturation” and the development of youth as independent economic subjects, the conceptual thesaurus of youth policy specialists lacks a clear understanding of the broader mission of youth in national development. The study substantiates the need to rethink the role of youth not only as an object but also as an active subject of social action, which should be reflected in state policy strategies. The results contribute to the scientific understanding of the current challenges of Russian youth policy, including in the context of developing quality service standards.

Keywords: youth policy, sociology of youth, thesaurus approach, concept of the dialectic of social action, actor, agent, focus group, work with youth, youth policy specialists, subjectivity

For citation: Podlesnaia M. A., Ilna I. V. Youth policy thesaurus in specialists' perceptions: positioning youth as actors or agents. *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):17–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.2>

Acknowledgements: The authors of the article express their gratitude to the staff of Rosmolodezh for the opportunity to discuss the project, and to the management and staff of ANO SUVAG for preparing and conducting research and field work.

References

1. Lukov Val. A., Lukov S. V., Tikhomirov D. A. Formation and implementation of state youth policy in modern Russia. Moscow: Rusayns; 2021. (In Russ.).
2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Russian youth in the mirror of sociology. Results of long-term research. Moscow: FCTAS RAS; 2020. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020).
3. Ilyinsky I. M. The youth of Russia and the problems of education (the ways that we did not choose). Moscow: MosGU; 2022. (In Russ.).
4. Merkulov P. A. Youth policy in Russia: state and public management practices. Oryol: Central Russian Institute of Management, branch of RANEPa; 2017. (In Russ.).
5. Lukov V. A. Sociocultural foundations of social subjectivity of Russian youth (thesaurus concept of youth). Dissertation work. Moscow; 2019. (In Russ.).
6. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Thesauri: Subjective organization of humanitarian knowledge. Moscow: National Institute of Business; 2008. (In Russ.).
7. Pinchuk A. N., Karepova S. G. State youth policy in modern Russia: rethinking prospects in the thesaurus approach. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2022;(2):282–287. (In Russ.). DOI [10.17805/zpu.2022.2.22](https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.22).
8. Radaev V. V. Millennials. How Russian Society is Changing. Moscow: HSE; 2019. (In Russ.).
9. Levada A. Yu. Looking for a person: sociological essays, 2000–2005. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. (In Russ.).
10. Aksenova O. V. Social action dialectics. On a theory of agency studies. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2023;21:122–149. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2023.5](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.5).
11. Aksenova O. V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow: Institute of Sociology RAS; 2016. (In Russ.).
12. Aksenova O. V. Individualism and collectivism in the context of technological progress. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2024;67(2):81–96. (In Russ.). DOI [10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96).
13. Ilyinsky I. M. State youth policy in the USSR. Moscow: MosGU; 2017. (In Russ.).
14. Ilyinsky I. M., Lukov V. A. The Phenomenon of the Komsomol and modern trends in the development of the youth movement in Russia. *Sociological Studies*. 2018;(10):44–53. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250002157-5](https://doi.org/10.31857/S013216250002157-5).
15. Zubok Yu. A. The phenomenon of risk in sociology: Experience of youth research. Moscow: Mysl'; 2007. (In Russ.).
16. Ilyinsky I. M., Lukov V. A. (comp.) Law on youth: Documents and materials on the history of the formation of state youth policy in Russia. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: MosGU; 2008. (In Russ.).

17. Ilyinsky I. M., Lukov V. A. (comp.) Law on youth: Documents and materials on the history of the formation of state youth policy in Russia. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: MosGU; 2008. (In Russ.).
18. Podlesnaia M. A. Orthodox religiosity in the context of social change: a sociological reflection of the life stories of believers of the Soviet and post-Soviet generations. Moscow: FCTAS RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-417-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-417-8.2023).

Received: 24.11.2025. Corrected: 11.02.2026. Accepted: 20.02.2026.

Author information:

Mariia A. Podlesnaia, Candidate of Sociology, Leading researcher,
Center for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow,
Russia. yamap@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-2159-4958](https://orcid.org/0000-0002-2159-4958)

Iлона В. Ильина, Senior Lecturer, Tyumen State University.
Tyumen, Russia. i.vilina@utmn.ru
ORCID: [0000-0003-3118-2372](https://orcid.org/0000-0003-3118-2372)